

Далекие острова

Олег Гарандин

2024-03-09

Contents

Сад цветущий и сад увяданья

Все, что держит в ладонях земля –
Сад цветущий и сад увяданья –
Опрокинет людское желанье
Ось земную на запад клоня.
Осквернит, прислоняя рукой
К белым щекам святыни Покоя.
За густую черною кровью
Тянет бешеный след за собой.

Затуманит туманом глаза –
Все глядеть им под образа,
Не глядя на пустые сомненья,
Гордо всматриваясь в откровенья,
Свою ношу рукам донести,
На забвенья слова обрекая,
К Вознесению у самого края,
На краю безымянной земли. –

Протекло полноводной рекой –

Нет у времени гуще цветений,
За насущной нуждой откровений
Время миру уйти на покой.
Время жадно, и дарит ревниво,
И со временем станет темней
Черно-белый из прошлого снимок
Всей бессмысленной траты моей.

Январь 1988

Марине Цветаевой

Как по улицам городским
Ходит бродит бела зима,
Заметают свету глаза,
И не знаю – чего-то ждешь.

Может, временем стертый щит
На дверях у того купца.
Может, дыма из той печи,
И усталую суть с лица.

Может, крепких по льду копыт,
Зимний нор и шуб с плечей.
В жизнях смысла, когда не сыт,
В церквах мира, а не свечей.

Дворник утром листву метет,
Знает Блока, видать, в глаза.
Таеет время – оно пройдет,
А на Сретенке – два часа

Может, звона в фаланге лет
Дном и трюмом, как за чертой.
Может, тех опускании век,
Может, вечности за кармой.

Может, «мерой ее души»
Чешет гриву она сама.
Может, слово ее «прости» –
Стоит больше, чем все слова.

Может, в ступе округлость лет.
Может, с меры не взять руды.
Может, в ранах, того, что нет,
И не вальс-бостон – тишины.

Может, ветхую стать угла,
И другую оснастку лжи.
И другой переплет в слова,
И другой недочет в блажи.

Может, времени связь жива,
Санок бойких пролет шальной,
Может рядом брести должна
Баба с ведрами по Тверской.

По глазам запорошит снег,
От полозьев и блеск слезы.
Может, в явь очертаний свет
Теми отпрысками старины.

Январь 1988

Свиток

До шепота сбиваясь, речь,
Но что мешает признавать открыто –
Одно, всем вопреки, желание сберечь
В ладонях рассыпающийся свиток.
Не обращая замыслом, где пядь
Земли уж вспахана и каждый камень вечен,
Моих насмешек мысль, сбивая речи,
Не могут знать.

И ставший лагерем скалистый брег,
Прилив морей один глоток лишь давших.
И вот они совсем уже не страшны –
Их кончен век.
И чем доступнее, тем далеки,
И не вместить им чувств безмерье.
Не с легкой ли моей руки
Мне кажутся безценней.

Январь 1988

* * *

Расскажи о лунном свете алом,
О червонном золоте церквей.

О земле под снежным покрывалом,
В ссудный день на паперти твоей.

Расскажи о бедах, о поклонах,
О семье, о детях расскажи.
О застывшей на чужих порогах
Не взошедшей с крайности души.

Расскажи о долгих жгучих утрах,
Забывшем сожженных солнцем дней.
И о том, что старит поминутно
В ссудный день на паперти твоей.

Расскажи о чем душа звенит,
Всю себя измучив в перезвонах.
Расскажи о чем в давимых стонах
Сердце утомленное молчит.

Расскажи, как темен твой чертог,
Как немые бездушные словами.

Расскажи какими небесами
Для тебя сошел на землю Бог?

Январь 1988

* * *

Как старость жизни в новом переплете
В своем дому вы нынче не живете,

Чужим с рожденья молитесь Богам.
Не тем ли с детства близким именам
Я приписал божественное? В храм
Вы все равно без цели не идете

1988

* * *

Куда бы ни звало воображенье,
Как не блестело б в стеклах отраженье.
Куда бы не плескалася волна,
Куда б не гнались в небе облака.
Куда б аллеи в ночь не уходили,
Когда бы никого вы не любили!
Когда б на слух, на взгляд не перечеть
Всего что в мире нет, всего, что в мире есть.
Когда б вблизи все было не предвзято,
Что издали спасительно и свято,
Когда б уметь за все, за все прощать,
Когда б цветам во век благоухать.
Когда б в уме что в сердце отложилось
Всего, что дорого – земля б остановилась

1988.

* * *

У людей случайные роли,

Возмездия – твердость руки.
Сколько долгих ночей проходило безмолвьем
По великому кругу земли.
И не вечность ступала по камням,
Отзываясь в уснувших домах.
Снова чьи-то шаги, о которых не знаю,
Мне читали стихи при свечах.

И не видно – как много старинным укладом,
Сколько к храму сошлось площадей.
И останется – дом за высокой оградой,
Только окнами станет темней.
В дом не вхожу радость и скрип поминальный,
Подвигнутый сонмом дверей
Отворят, не глядя на рисунок наскальный,
В свете парадных огней.

И никак не найти ветра в комнатах душных,
Долгих фраз выпадают слова.
Много не говори, исчезают созвучья
По наклону стола.
И за каждым мгновеньем произносятся ближе –
Мир коротким мгновеньем объят,
Обо всем забывал, ведь забвенью не слышит
Шёпотом что ему говорят.

Февраль 1988

* * *

Растревожили сердце,
А родства не сыскать.
Сколь ночей по соседству,
Сколь столетий не спать?

Богоявленный робко,
Себя ищущий в нас,
Затуманенным оком
Не предал и не спас

Кто к столбу подведенных
Распинал и поил? –
Будет даром дарённый
Ему Спас на крови.

Серафимовы крылья –
Два ножа очеред.
Мы теперь не любимы,
И никто нас не ждет.

Не до званных обедов,
До гостей не охоч,
Страх ночей мне не ведом,
Мне постель стелет ночь.

Ночь врачует мне раны,
Ночь легка на духу.
Я кровавые раны
Не дарю никому.

Январь 1988

Старинный дом

Старинный дом, одна земля,
Одна семья меня венчала
За свадебным, за тем столом... –
За тем, другим, свеча мерцала.
И проходящий становил
На каждый год поклоны в землю.
И вечер гас, и взгляд дарил
Дороже жизни взгляд последний!
Дороже сточенная сталь,
Всем, вопреки, души изломам,
И собственного сердца гарь,
И грязь, и пыль всего земного.
Узнала скорби и печаль
Всего сознания мирского.
Ушла в поруганную даль,
И возвращалась к миру снова.
Ее в обновах дорогих
Чужая зависть легче старит.
Печальный опыт говорит:
Иная зависть миром правит.
Пред искушеньем устоять
Немыслимо, не зная брода.
От уст священную печать –
К подножью истинного слова.
И не было «Не осуди».
В грязи устала и дорога.
Скучнее не было святынь.

Горело пламени не много.
И не оставили следа.
С чужой свечи не стало воска.
С чужого мерили плеча,
И выглядели не броско.

Март 1988

Забываю все песни

В. Давлетову

Забываю все песни,
И разницу в возрасте.
Принимаю на веру,
Как будто живы.
Забываю измены,
Безмысленны пропасти.
О том отречение
Не скажешь ли ты?

Навсегда забываю
Вечные споры,
Друзей в давнем времени
Забываю черты.
Может и вспомню –
Жизни не были долгими.
К моему изумленью –
Ограды, цветы.

И начальная осень,
Будто в воспоминаньях, –
А стихами не сложат,
Ничего не найдут.
Ничего не выносят –
А вернусь ли – не знаю.
Стали мертвыми строже
Очертания губ.

Потому забываю,
Забываю осознанно,
Вниз летящую, в пропасть,
Изначальную суть.
Как будто живы –
Помнить старое поздно.
А продлится надолго ль –
«Невозможно вернуть»?

Март 1988

* * *

Миру тешиться
На словах
Миру спешится
На полах.
Детству нежится
В пеленах.
А нам вешаться –
Только страх.

Юность мерится
По Любви.
Старость стелется
На Крови.
Душа теплится
Не горит.
Злость разделится
На двоих.
Светит солнышко
Под навес.
Смерть до донышка
Пьет и ест.
Над погостами
Ставят крест
Рядом с звездами,
Только без
Звезд сияния
По огню.
Расстояния -
На корню
Древо пустое -
Не беда.
Кровь не густая,
А вода

1988.

Экспромт

А. Приймакову

По дорожке серебряной
Замер лист на весу.
Ветер больше не треплет,
Не находит листву.

Словно вылит из чаши,
Замерзает ручей,
Добежал до заката
Заходящих течений.

Под листвою колонны
На века простоят.
И осыпятся кроны,
И родятся опять.

На стволах ни отметин,
Задан бег облакам.
Только малые дети
Трут глаза по утрам.

И земля устоится
В обращенье своем.
Пролистает страницы,
И загнет их углом.

И нечаянно встретит
Будто тех же шагов.
По привычному где-то
Снегом ляжет покров.

И как ни была старой
Изначально игра,
За оконною рамой,
По сторону стекла.

Где-то дряхлы карнизы,
Оступится – и стой.
Где-то вещи и лица,
Позабытые мной.

Будто к Спасским воротам
По бульвару ты шла.
А на ржавых решетках
Ледяная слюда.

Скоро жизни короче
Станут светлые дни.
Позлащенные ночи,
На бульварах огни.

Март 1988

От земли

Все, что было слезами
Твоими забыто,
Все, что изгнано было
За двери земные,
Переполнено чашей
Безумств и прощений,

Вздохом чистым в груди
И любви претвореньем.
Сердцу рано стареть,
Сердцу мало томиться,
Окрыленному взвиться
И смерть одолеть.
И из рук молодых
Вновь принять чашу эту.
И случайному ветру
Отдать свежесть крыл.

1988

* * *

Свою любовь, читая по слогам,
Как жизнь другую, иль другую скорбь.
Но вижу сердце в детский входит храм,
Как забавляет, как волнует кровь.

Мои путь не близок – на конец пути
Зачем мне знать, что будет за чертой.
Моей никто не отречет руки,
Моих святынь не осквернит никто.

Но все ж душа уснет когда-нибудь,
И детский храм – разрушен будет храм.
И по словам останется вздохнуть –
Останется вздохнуть и по слезам.

Март 1988

Городская

Я родился в то время,
Когда память была коротка,
Как и время,
Прозой бледных картин,
За стеклом, на Остоженке,
Чёрно-белых, в пыли, фотографии.
Я родился в то время,
Когда тишина и обрюзглость алей
За осенней листвой
Провожали
Мое поколение.
В позднем вагоне метро.
Много книг – ведь и память устанет,
Как устали глаза
От внеклассного чтения.
Я иду по Тверской,
Полон искренних домыслов,
Напевая не слышно сакральные гимны
Из коллекции шестидесятых.
Мир рожден, где читают Горация
По стук колес.

Я не строг в рассуждениях
О семейности счастья
За общим столом,

Где чужая эпоха,
И слишком белая скатерть –
Аскетизм бессознательно проще,
Чем античная проза.
Моя древность не учит латынь
Детской тяжестью школьных тетрадей,
Невоздержанным завываньем
Театральных афиш
Невоздержанных улиц.
И когда просыпаюсь,
И солнечный луч,
Не читая мне проповедей,
Сквозь пыльную штору...
Мне не хватит чернил,
Старомодных оград
В вечной любви
К предисловию.

Июнь 1988

Мир

Мир – всеобъемлюще случай,
От шага к шагу,
До недосказанности,
До безысходности, –
Ветром обвеянная пустошь,
Грудью невыплаканных всерьез
Мечтаний и грез –

Нам вековечно служит.
Велением сердца
Мир сущий – мгновенье,
Мир сущий – не души –
Плеяды сложений –
Мир видящий сны,
Мир полон надежды,
От сердца к сердцу,
От взгляда к взгляду
Неразделенных,
Неразомкнутых уст,
Изгнанием тщетных раздумий
Спасительно пуст.
Мир – унижительный случай,
Дольше времени,
Проще судеб,
Названных поименно –
Большого ведь не будет.
Дольшего не до скарба
Всех подворотен – прочих
Всех фонарей бездарных,
Всех янтарей кустарных.
На каждую пядь земли –
Мир избранных слов,
Ищущих кров.
Мир неизданных книг,
Ищущих переплетов.
Мир вечных ссор,
Мир об одном,
За каждым земли расстоянием –
Будни.

Июнь 1988

* * *

Мне было грустно за мгновенность мира,
Так били в солнце светлые ключи,
Земля цвела свой век и пела лира
Под властью неба, тайной глубины.

Я проходит землю в час рассветный,
Теперь брожу в покое и один,
Никем не узнан, сердцем не любим,
И в самом главном к Богу безответным.

Мне было грустно за мгновенность мира, –
С тростинкою в руке смешно любить.

1988

* * *

Передо мной, как в юности далекой
Меняет небо первозданный цвет,
И музыки, которой нет несчастней
Я слышу звуки – долгие шаги
Свой незаметный путь по кругу завершают.
И самая безмерная любовь
Моим годам находит утешенье,

В случайных рифмах – будущность мою
Предсказанной уже не называет.
Зачем пути, каких никто не знает,
Имеют свой какой-то важный смысл.
Как отступиться
От рук, дающих нам заботу жать их?
Одним прикосновением руки
С тобой проститься, отчего не жаль мне?
И как сказать, как выразить иначе,
Любовь раздумьем о любви, где скудость?
Все, в общем, клятвы нам даны от скуки,
До общих мест и сам я не дойду.
Одной стихией искреннего чувства
Я как-нибудь в себе переживу
Всю бесконечность жизни по минутам,
Безсмертия, которого в ней нет.
Но все-таки, прозрачную на свет,
Осознанным предчувствием разлуки.

Апрель 1988

* * *

О, если бы вы, знали сердцу веря,
Какой надеждой отравлялись вы,
Упавшие с безумной высоты
Покорное низложенное племя!
О, если бы вы знали, скольким злом
Вы мучились, вы изменяли время,
С каким избитым святостью умом

Вы поднимали сапоги на стремя.
О, если бы вы знали, кто вам Бог,
Кто из руин возвысил вашу тленность,
О, если б знали вы, хранили в сердце верность,
А не трубили в свой бараний рог!
Чем счастлив человек, всей жизни возлюбя,
Мечтал прожить не скучно, не безвестно.
Ваш долгоденствие, вас понимаю я,
И мудрость ваша мне, увы, известна.

1988

* * *

Проливным дождем, может, смывает так,
Долгих отповедей следы.
Вдоль святых руин шагом ночь свела
До седин.

От окон чужих отведенный взгляд
Ищет в грае том миражи.
А за тем столом, за надгробьем – спят –
Ни души.

И не сном, а так, и с душою врозь,
Как свечой в углах не свети,
Заведет к словам не из чаши злость –
Из груди

Пролилась она, может так и льют,

А последнюю – мимо рта.
Может не своя очертаньем губ
Немота.

1988

* * *

Ночь по наклону
Гремящих крыш.
Дождь по наклону
Кромешной ночи.
Единожды солгав –
Обрыв,
Но все же проще.

Ночь – неизбежным,
Незабвенным книг,
Вытряхивая пыль,
А у дверей галош
Отряхивая совесть,
Но то же ложь.

Насколько хватит сил,
Подряд
Сто раз,
Созвучие поэмы
По красоте горящих глаз
Красивей ваших.

Переливая,
Переиначивая
Смысл сказанного,
Как в пальцах четки.
В какую чашу
Налить вам дважды? –
С которой пить.

О детях, о долгах,
И о работе,
И дождь, считающий часы,
Перебиванием
Ночной грозы.

Не дом ли сер?
Не слово ль – ноша,
Которую нести?
Я вам скажу
Таинственную вещь –
Вас не спасти.

1988

Велением сердца

Отпусти меня мама, помолись за меня на прощанье,
Взять с собой на плечи твою я не в силах тоску.
Будем сильны пред Богом, не плач, я тебе обещаю
Эти яблони будут когда-то, как в детстве, в цвету.

Все дороги земли вот такой бы травой расходились
Распевали б искусно в гуще мокрой листвы соловьи
Я б нашел редких слов,
я б назвал смысл природы безумством
Это чувство безлико, - в небе грохот вечернем грозы.

Кто не видывал весн вот таких,
кто не жаждал развлечься
И кому не до мук надоела старуха зима
Мне все помнится в прошлом, из царства
похожим на детство,
Как мальчишкой слагал я из эхо весны голоса.

Все проходит, как сон, ведь исчезнем и мы, безучастней
Нет травинки, слабей – время страждущих весн отцвело.
Из натопленных комнат,
в этом смутном, сомнительном счастье,
Нечему не спастись и забыть не дано ничего.

А весна, что ж она, пусть она над моей
невезучей судьбою
Насмехается вдоволь, злословит и злится смелей.
Как ее я любил, так не стану, любя, прекословить
Ее рощам вспоенным на жизни, на жажде моей.

Отпусти меня мама, помолись за меня на прощанье.
Взять с собою на плечи твою я не в силах тоску.
Будем сильны пред Богом, не плач, я тебе обещаю,
Эти яблони будут когда-то, как в детстве, в цвету.

Май 1988

Белые ночи

Белые ночи, долгие ночи,
Луна над Невою чиста.
Город мой спит, ночь не стала корче,
Только цветами не та.

Улицей светлой, но странно безлюдной
Катится в небыли даль.
Ночью такой, не похожею, скудной,
Нет, ничего мне жаль.

Белые ночи, долгие ночи,
Луна над Невою чиста.
Город мой спит, ночь не стала корче,
Только цветами не та.

Знакомые окна смотрят уныло.
Знакомый измученный взгляд.
Все здесь не умерло, все здесь не живо –
Люди и улицы спят.

Белые ночи, долгие ночи,
Луна над Невою чиста.
Город мой спит, ночь не стала короче,
Только цветами не та.

Июнь 1988

Мать

Быть может, ты видишь
Усопшего сына.
И взглядов его,
Тайно брошенных с веток.
Ворчливой судьбы
Уходящие спины,
За вышитой ею
Простой занавеской.
О горьких чужих по тоске
Разговорах,
О поздней заботе,
Какой не ужиться
Нельзя между пальцев
В серебряных спицах,
Где голос его,
Где шагов его шорох.
Ты видишь нещадно,
Прозрев слепотою,
Из детства нисходит
За солнышком ясным,
Все чувства заботы
В оконном проеме –
Забывчиво, тускло,
Безбожно, напрасно.
И сил уже нету
Ответному взору
Глубокого, жадного

Выбраться омота.
В старушечьей комнатке
Хождением по мукам,
К чему-то отсрочкой,
К чему-то упреком

1988

Двадцатый век

1

В назначенный час
У времени гас
Полуденный час –
По следу
Срывали с голов
Соборов покров,
И чуяли кровь
По свету.
Рвением труб
Щедр или скуп,
Слыша заступ
В ногу.
Каждый оплот,
Скареден расчет,
Искренне лжет
В угоду.
Свежесть ланит,
Сочность палитр,

Праздность продлит
Серость.
День или ночь
В пропасть корост,
Сыт или тощ –
Низрину.
Снегом лавин,
Старость рутин,
Стрелы в утиль –
Воздержан.
Вечной гряды
Вспаханы льды,
Будешь и ты
Утешен.

2

Есть дух противоречья в каждом слове
Всему, что умерло и начинает жить.
Ценой утрат не благ земных достигнув –
Вершины горного Синая.
От благ земных какому счастью быть?
Незыблемы законы – подражая им,
Мешая в каждое и возбуждая в каждом
Дочернюю любовь.
Бывает страшен гнев, но не бывает злость,
Как составляющее каждой грозной сути,
Ведь не бывает скуден
Дух отрицающим своим значеньем плоть.
У памяти невелика,
За каждым словом, каждым сердца стуком,

Одна печать, одна на все заслуга –
Забывшие услышать имена.
В себе таить невозвращенность к ним,
Той глубиной, кажется бездонной,
За щедрой благосклонностью судьбы
Ждать, что вернут мне часть души, ждать долго.
Одно наследие – неисправимость.
Душ на заклятие – Спас на крови.
Мир слишком прост, чтобы на полпути,
На пол окружности остановиться.

З

Все в прошлом ныне, то же, что изгнание,
Как не таи, как в рамку не образь.
Что в прошлом век, то ныне в одночасье –
К губам Христос – лба моего не сглазь.

Что в прошлом грех – в ту пору, или в эту,
Страстных недель святая ипостась.
Дай знать сейчас, какою мерой, цветом
Быть хочет человеческая страсть!

Захочет ль быть на клиросе отпетой,
И до погосту спросит донести.
И бросишь ей, как нищему, монету,
Сказав «не мучься», не сказав «прости».

Полночный час, в полночи, полукровью,
Все с полуслов, в полслез, все в полцены.
Все в прошлом хлам, кроме той любви,

И этой днесь венчающей тоски.

4

Долгое свечение
Высоких башен льдом грядущих зим,
И каменного свода.
И обращенных в скорбную к ним речь –
Людскую речь – людская зрелость скорбна.
И монотонных не было столь взглядов,
Слов отрешенных, мнимых слов, пустых,
Знакомым голосом, нашествием своим,
Сознанием к ним,
Мне близок,
Непоправимо близок
Грядущий день.
Значением прошлых сумрачных идей
Тяжелым снегом в проводах провисших,
В незримых стеклах ледяных витрин –
Есть время, что зовется долгим –
Что сокровенно, и чему подвластно?

5

Тревожное время – брожение,
Дней – тысячи лет суета.
Дней тысячелетье – значений,
Считающее до ста.

И веку тому – неимущим,
До йоты назначен расчет.

Вселенским законом обучен
И замыслом обобщен.

Выслушивать обещаний,
По пыльному полу рыща,
В уверенности изначалья,
Без дружеского плеча.

В острогах его суеверья
Лишь числится в праве в живых –
Не многим назначено время
Сдержать обещаний своих.

Июль 1988

* * *

Улиц недвиженье,
За полночь огни.
Воля одиночеству,
Вольностью на миг.
Догори, как сбудется,
Старая свеча,
Освети мне улицу
Долгая печаль.
Оступиться загодя
Огради судьбой,
За собою за руку
Отведи домой.
По земле окраиной –

Стены высоки.
У дверей не прочные
Старые замки.
Мимо судеб меченых
Суетным клеймом,
А туда, где вечно мы
За одним столом.

Август 1988

Гроза

1

Гроза ушла и воздух свеж.
Вздохнуть, и кажется проснешься
От смуты сердца, слез и бед,
От зла и смерти отречешься.

Ушла туда, в тенистый сад,
Клонится ветка в опьяненье,
Не чуя тяжесть, сбросив страх,
Как грешник, после омовенья.

К окну прильнув, я узнаю,
Как солнца луч воды коснется,
Из искр вода мне улыбнется,
И я ее огнем горю!

И в доме пропадает тьма,

Еще, благодаря обновой,
Цветущий сад ждет у окна,
Взлетает бабочкой парчовой.

2

Прочь, все сомнения гоня,
Ее по взмаху крыльев нежных,
Я узнаю, как были прежде,
Святые обмороки дня

Весенней грязи колеи,
Осенних сумерек опеку.
И где-то плач – исчадьем этим
Занесены, отрешены.

И чем-то грустные итоги
Чертой не время подводить.
Изгиб реки, куст у дороги
Глазам приказывают жить.

И самый тлен лучиной к свету,
И гарью пишется печной
О вечных истинах и где-то
Там облако над головой

3

Не стой природа у крыльца,
Далече гром, ему внимая,
Сними угрюмый вид с лица –

Я тоже еле выживаю.

Гроза ушла, плохая ль весть,
За далью неба сердце бьется,
Когда из сердца кровь прольется
Тогда – живу!

Август 1988

* * *

Почила уж земля в покое безмятежном,
За глубиною дали белоснежной,
Не слышно птиц тревожного кричанья,
А слышится иное ожиданье.

А слышится, за темнотой тревожной,
Тебе дышать и чувствовать не много.
В душе непоправимо исчезает что-то,
И как дыханье из груди вся нежность!

И нету силы слить в одном, едином,
Свою доверчивость земному Богу-Слову.
Назвать священным нежный взгляд любимой,
И поклониться взаперти иному.

Сентябрь 1988

Москва

Сумрачны ночи, от глаз удаленна
Таёт дорога и огонь вдали.
Сумрачны очи в душе утомленной
Тяжкого сердца на долгом пути.

Плечи согнуты и клонится долу,
Как снегом покрыты виски сединой.
Убранство от века ее золотое, –
Вновь я прощаюсь со старой Москвой!

Вновь уйду я туда, где безвестна
Млечная даль вечно сорной травы.
Там утомлю я в душе перекрестной
Боль расставанья и мудрость вины.

Прочны ли стены, высоки ль ограды,
Глубок ли под стенами вырытый ров.
Чужие доспехи, земные уклады,
Святые обряды, значение слов.

Будто годами мгновение длится,
Вдали от знакомых медлительных дней.
Чужие глаза, незнакомые лица,
Каждому сроку положен предел.

Чужие слова многословия страждут,
Иным возвращеньям вернуться в строку.
А свои не исчезнут бесследно и дважды,
Когда мы стоим на одном берегу.

Вечная, скорбная, древняя старость.
Где-то надуманно с ложью сплелась.
В твердь переплетов – людская усталость,
Вместе с усталостью – вещая грязь.

Таает дорога, поля да ухабы,
Даль предрассветная сгонит с души
Людские надежды, людские утраты,
Станут новым изгнанием под небом твоим

Можно ль теперь, по земле неимущим,
К должному свету без страха идти
Беглую кость свою можно ль?.. Но душу,
Беглую душу не донести

Снова вернусь я с разменянным счастьем,
Вновь отворю я дверей глубину.
Города вновь я увижу ненастьем,
Снова надгробья найду синеву.

Стены Кремля встретят утренним звоном
Новую жизнь на пролетном пути.
Встретят, как в старь, тем низложенным стоном,
Вечным надрывом в груди.

Сентябрь 1988

Часы

Из детской слышаться идут часы

Тик-так – глаза уже давно уснули.
Сердечный стук – кого, кого зову я?
Раскрыты двери, комнаты пусты.

И ночь хранит медлительный свой бег,
Следов оконных ночь дождем размоет.
Нам никуда за ним идти не стоит,
Здесь остается счастье прошлых лет.

Сквозь муть окна в дождливом решете,
Считает сердца шаг – шаги до смерти.
И где-то там одна на белом свете
Горит и гаснет лампа в темноте.

1988

Post factum

И может там, за гробовой доской
Зубам сцепиться.
За то, что стих, цеплялся, как чумной,
За эти лица.
За то, что простояли много лет,
Как те эстампы.
За то, что гас и гас реченный свет
Настольной лампы.
За то, что здесь, в покое, на словах
Мной правит сердце, а направит страх.

1988

* * *

Не тревожься, я снова прощу,
Нам не надо чужих откровений.
Мы теряемся жизни в мгновеньях –
Будь спокойна, я их отыщу.

Путь грядущего жалок и тускл,
Детям незачем каяться в чувствах,
Подожди у окна, я вернусь,
Пусть тебе будет чуточку грустно.

Мы расстанемся – в наших глазах
Не замрет даже мысли проститься,
И, сверкнув, заблудится слеза
В твоих черных и длинных ресницах.

И за долгой разлукой придет
Долгожданная встреча двух льдинок.
Не предскажет никто наперед
Жарких взглядов и чувств поединок.

Ничего не спросив у судьбы,
За серьезным о снах разговором,
Так легко удивляемся мы
Каждой страсти и каждому слову.

Сальной лампы жалеет огня,

Рады звону ночной колокольни.
За стеной проливного дождя
Наших ссор засыпаем спокойно.

Не грусти, этих гроз переждем,
В нашем счастье, всегда одиноком.
Этой русской степью широкой
Мы когда-нибудь мир обретем.

А пока что свои имена
Мы слагаем из мук и сомнений.
Ты сказала в своих откровеньях:
«Я не буду твоей никогда».

Сентябрь 1988

* * *

Гранитным берегом закована река,
И только площадь возвышает своды.
За сутолокой оконного стекла
Теней условных.

За млечным сводом, заревом огней
На жуть балконов.
Свисают вместе с тенью фонарей
Густые кроны.

И сколько тайн вращается в кругах,
Бесплодно и не тленно.

И все вокруг меняется в глазах
Стать неизменным.

Никто вовек не платит по счетам
К святыням – нищий.
Идет проснуться на его руках
В своем обличье.

И вот не знаю, от каких забот
Условность начинать сначала.
Стихам испытанным вести отчет
Душа устала

И где теперь, останутся ль в живых
И знать бы, что в них прячут годы.
И я не знаю уже, зачем нужны –
Столь мимолётны.

Сентябрь 1988

Александровский сад

Если все-таки что-нибудь слышит
Наш сентябрь – пора бы прощать.
Именам с красных башен и вышек
Часовыми не долго стоять.

Убирая античные тени
С белокаменной нашей стены,
У надгробий цветы не темнеют

От навязчивой пустоты.

Ничего не бывает дороже.
Злость, не выдержав траты, ушла.
От земных расстояний, похоже,
Остается земная зола.

Наш сентябрь не ждет обещаний,
Снова под ноги сыпет листву.
И тогда возвращается память
В Александровском нашем саду.

1988

* * *

Не от возраста слов
Ожиданья, томленья.
Не от мнимости слов,
А от воображенья

Ночь сама зарекла
Отучить от хождения,
Мимо сути стола
И до воображенья.

Мимо сути вещей,
Уложений, итогов,
От святилищ идей
От корней и истоков,

Мимо ложных причин
Обстоятельств брожения.
Мимо сумм, величин
И до воображенья.

И на скрежет в зубах
За его безрассудство,
Эталоном – скала,
Обстоятельством чувства.

Сердцевины добра,
Перехваты, дилеммы.
От подвала листа
До вчера убиенных.

Отучить за столом
Серость – непоправимо.
А пока за окном...
Да какая картина!

Сентябрь 1988

Дорожная

Вздорного не вижу,
Белу нитку нижу.
Глупого не слышу,
Если не крича.
Не гляжу в затылок,

Не кричу потише.
За свои обиды
Не рублю с плеча.

Светло или темень,
Жижа или кремень,
Высока на пробу
Проза языка.
Смолоду ли, стару,
С пылу или с жару,
Стрезву или спьяну
Или сгоряча.

И по миру беглым,
Морем или сушей,
Кладезь или бездна,
Прикоснуться чуть.
До любви не в меру
И за верность души
Пропадают – меньше
Не вмещает грудь.

Высоки ли цены,
Неприступны ль стены,
Любы ли рассветы
В вёдро и грозу.
На земли угодья,
Если не подобья,
До ее надгробья
Режу колею.

Даже если крепость
Высока – в накладе
Прочны и железны
Старые замки.
Поперек запрета
Старого обряда
До чужой обедни
Ношу не свою.

1988

Вороным крылом

Перво-наперво,
Дует с берега
Ветер, как шальной,
С Дворцовой набережной.
Как бы, не причем,
Подтолкнет плечом
Площадь сонную –
Степь соборную.
Покачнется та
Зеркалами луж,
Глядя во весь рост
На Дворцовый мост.
А с моста взглянет
По окраинам –
Солнцем крашенным
Окна ряжены.
И блуждает луч

В куполах золотых
По отвесному
Да по Невскому.
Между черных туч,
Меж высоких стен,
И не лишнее бы
Над крышами
Два шага пройти
Ему с вышины,
Опустимому
До Гостиного.
Ну, а там найти
За окном наш дом –
Вороным крылом
Окоем.

Сентябрь 1988

* * *

На крестах кленовых
Кладбище темное, луной свеченое,
Где мой грех, моя головушка
На ветрах упокоится?
Кто поставит неказистый крест
Моей вотчины, да на веточку
Птица ль залетит безумная
День благословить?

Декабрь 1988

Вьюга

Разгулялася вьюга, ночь-полночь заметает,
Огонек от лучины в уголку догорает.
Ходит ночь по избе, псалом старуха читает.
Да мужик на печи спьяну Бога ругает.

Разгулялася вьюга, нет ни сна, ни покоя,
Ночь как саван глаза черной тканью покроет.
Воет пес на дворе, мерзнет злобой цепною.
Божий лик из угла не придет за тобою.

«Ты скажи, где мой дом, где гнездо мое свито,
Где скиталось душа, кем в могилу зарыта?»
«Дом твой брошен стоит, двери настезь открыты
Без любви и огня, без земли и молитвы...»

Декабрь 1988

1989

Не всегда утешением
Пух одеял.
Подорожным сложением
Блеск долин, старость скал.
На руках ни отметин,
Рукава, рукава.
Звук чинары, обеден

Слух баран - борона.
Даже малые дети,
Даже старость в ответе -
Два двора.

Декабрь 1988

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>